

Оруджев Фахреддин Набиевич

**ВЛИЯНИЕ КАСПИЙСКОГО ПОХОДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО НА ПРОРОССИЙСКУЮ ОРИЕНТАЦИЮ
ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ**

В статье рассматривается влияние Каспийского похода Петра I на пророссийскую внешнеполитическую ориентацию дагестанских правителей. Особое внимание уделено политике петровского правительства по привлечению дагестанской политической элиты на свою сторону, что давало российской стороне преимущество в борьбе за господство на Кавказе со своими восточными соперниками - Персией и Турцией. Отмечается выгода нахождения в российском подданстве для дагестанских правителей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/31.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-115. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

13. РГИА. Ф. 821. Оп. 133.

14. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 924. Оп. 1.

15. Тынчаров Р. Мечети Петропавловска // Татары на Севере Казахстана. Петропавловск: Северный Казахстан, 2004. С. 39-47.

16. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 369. Оп. 1.

CHARITABLE ACTIVITY OF THE TATAR COMMUNITY OF KAZAKHSTAN IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD (BY THE EXAMPLE OF THE CITY OF PETROPAVLOVSK)

Makhmutov Zufar Aleksandrovich, Ph. D. in History
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
zufar@inbox.ru

The Tatars are one of historically established diaspora in Kazakhstan. The Tatar diaspora in this region was distinguished from other ethnic groups by the prevalence of urban population over rural, the higher proportion of merchants and petty bourgeois, whose basic type of employment were trade and entrepreneurship. The biggest cities to accumulate the Tatar population in the Kazakh steppe were Petropavlovsk and Semipalatinsk. On the basis of archival materials the author analyzes the charitable activity of Petropavlovsk Tatar community in the pre-revolutionary period, examines various forms and trends of the Tatars' charitable activity.

Key words and phrases: the Tatars of Kazakhstan; charitable activity; Petropavlovsk merchants; building mosques; social organization; spiritual life.

УДК 9(Дар)1

Исторические науки и археология

В статье рассматривается влияние Каспийского похода Петра I на пророссийскую внешнеполитическую ориентацию дагестанских правителей. Особое внимание уделено политике петровского правительства по привлечению дагестанской политической элиты на свою сторону, что давало российской стороне преимущество в борьбе за господство на Кавказе со своими восточными соперниками – Персией и Турцией. Отмечается выгода нахождения в российском подданстве для дагестанских правителей.

Ключевые слова и фразы: Петр Великий; Каспийский поход; политическая элита Дагестана; пророссийская позиция; подданство.

Оруджев Фахреддин Набиевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
aytberov@list.ru

ВЛИЯНИЕ КАСПИЙСКОГО ПОХОДА ПЕТРА ВЕЛИКОГО НА ПРОРОССИЙСКУЮ ОРИЕНТАЦИЮ ДАГЕСТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ[©]

Каспийский поход Петра I знаменателен тем, что с этого времени начинается новый этап во взаимоотношениях между российским правительством и дагестанскими правителями, ознаменованный укреплением между ними торгово-экономических связей, военно-дипломатических отношений, усилением и победой пророссийской позиции дагестанской политической знати. Еще накануне похода наметился очевидный крен в сторону России даже у тех владетелей Дагестана, которые до этого традиционно лавировали между соперничавшими за господство на Кавказе державами. Справедливости ради следует отметить, что в течение 5 лет (1717-1722) тарковский шамхал Адиль-Гирей, аксаевский князь Султан Махмуд, эндириевские бии Айдемир, Чопан и Мусал Чопановы, Алиш и Кибяк Султанмахмудовы, буйнакский бек Муртузали, кайтагский уцмий Ахмед-хан, лезгинский мударрис Дауд-бек, казикумухский хан Сурхай, табасаранские владельцы майсум Махмуд-бек и кадий Рустам-бек один за другим обращались к России с просьбой о принятии в свое подданство. За этот же период в различные годы все дагестанские владетели, за исключением напавших на команду Лопухина в 1718 г. (султан Махмуд Отемышский, Муртузали Буйнакский, Умалат Казанищенский), а также убивших и ограбивших русских купцов в Шемахе 7 августа 1721 г. (Сурхай-хан и Дауд-бек), были приняты в российское подданство [2, д. 1, л. 132 об., д. 2, л. 41 об., д. 3, л. 12 об.].

Тщательно военно-дипломатическим образом готовясь к походу, Петр I прекрасно понимал, что достижению задуманных им целей будет способствовать пророссийски настроенная значительная часть населения Кавказа и Прикаспийских областей. О политическом настрое народов Дагестана и об их предрасположенности к России накануне похода Петра I можно судить по сообщению польского миссионера И. Т. Крусинского, побывавшего в те годы на Кавказе. «Население, – отмечал он, – живущее около Каспийского моря, ни о чем так не молится, как о том, чтобы москвиты как можно скорее пришли и освободили его от ига персидской монархии» [3, с. 202].

Азербайджанский исследователь Ф. М. Алиев усилившиеся пророссийские настроения среди дагестанской политической элиты объяснял стремлением освободиться с помощью России «от произвола коррумпированной шахской администрации, от феодального разбоя и политических неурядиц» [1, с. 45]. Придворный историограф

[©] Оруджев Ф. Н., 2015

Надир-шаха Мирза Мехдихан, расценивая события с иных полярных позиций, также выделяет пророссийскую ориентацию местного населения, признавая, что, когда «падишах русских Петр прибыл в Дербент, то народ тамошний, опасаясь владычества турок, как непримиримых врагов, без разрешения шаха явился к нему с покорностью» [8, с. 9]. Как показывают приведенные данные, реакция большинства населения Дагестана и Прикаспия на появление русских войск оказалась благожелательной, и они были готовы оказать содействие Петру I.

Предрасположенность местного населения к России, действительно, являлось не менее важным фактором, способствующим успешной реализации планов Петра I относительно Западного Прикаспия. Столь успешное и быстрое продвижение российской армии по территории Дагестана во многом объяснялось надеждой освободиться с их помощью от произвола коррумпированной персидской администрации, от феодального разбоя и политических неурядиц [9, с. 154].

Предрасположенность к России в это время наблюдается и у ногайцев. 28 июля 1722 г. они, выбрав из своей среды четырех депутатов, отправили их к Петру I с предложением своей услуги доставить для российской армии 40 тыс. четвертей разного провианта. Император, чьи войска очень нуждались в провианте, счел данное предложение ногайцев своевременным и «выразил свое удовольствие» [6, с. 13]. Провиант был доставлен без промедления в лагерь российской армии. Вскоре ногайцы были приняты в подданство России [9, с. 150].

Как видно, накануне Каспийского похода Петра I большая часть дагестанских правителей находились под покровительством России и изъявили готовность оказать содействие Петру I, что в целом отвечало внешнеполитическим интересам российского правительства. Владетели Засулакской Кумыкии и некоторые кабардинские князья выразили готовность быть на русской службе. 6 августа на Сулаке 100-тысячную российскую армию встречали шамхал Адиль-Гирей, Аксаевский владетель Султан Махмуд, прибывшие для участия в дальнейшем походе со своими дворянами. Здесь же по указанию шамхала и аксаевского правителя было выделено 600 телег, запряженных волами для переноски провианта, 250 быков на пищу солдатам и 9 персидских иноходцев царю в подарок [5, с. 23]. Уже 12 августа армия подошла к Тарки, во многом благодаря тому, что «на путях перехода от Сулака в Дагестан на каждой стоянке по приказанию шамхала принимались меры в отношении воды, фуража и прочего снабжения». 16 августа во главе всей армии Петр I направился в Дербент, от жителей которого было получено письмо, что «по онаго Вашего величества указу и манифесту служить и по нашему желанию в послушании пробывать за потребностью рассуждаем... а мы бы бедные милосердным Вашего величества охранением взысканы были» [2, д. 2, л. 24]. На пути в Дербент 23 августа императора встретили представители уцмья Ахмед-хана и буйнакский владетель Муртузали, которые передали ему личные подарки и несколько десятков голов рогатого скота.

Позиция дербентского наиба и жителей города вполне очевидна: «все стар и млад вышли встречать». «Наиб сего города, – извещал император Сенат, – встретил нас и ключ поднес от ворот. Правда, что сии люди нелицемерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [13, с. 117-119]. В «Походном журнале» церемония вступления российских войск описана так: «В шестом часу полуночи от той речки пошли степью подле моря к городу Дербенту и шли до огородов виноградных, которые близ речки Дербак в шести верстах в триста девяносто саженьях, куда пришел в полдни, остановились, а их Величества ставки поставлены в огородах, где обедали. Между тем же объявлено офицерам и солдатам, чтоб собирались в строй, а в четвертом часу пополудни пошли к городу строем с распущенными знаменами и музыкою и шли таким образом: перво шел батальон гренадеров, перед которыми его Величество ехал на лошади яко Полковник, с обнаженною шпагою, по сторонам шли пешком его Величества четыре пажа в уборном платье, за его величеством последовала гвардия; позади изволили ехать в карете Ея Величество Государыня Императрица, за ея Величеством шли Астраханский, Ингерманландский и прочие походные полки от авангардии» [Там же, с. 122-123]. Правитель Дербента Имам-кули-бек за добровольную сдачу города был переназначен правителем города. Кроме того, он был достоин чина генерал-майора, и ему было определено постоянное годовое жалованье.

В Дербенте к императору обратились майсум и кадий Табасарана, владетель Бойнака и другие с просьбой признать их российскими подданными. В своем письме от 30 августа 1722 г. к Петру I Рустем-кадий общал об исторически сложившихся дружественных связях владетелей Табасарана с Россией, о бедствиях и разорениях, учиненных ему Дауд-беком, Сурхай-ханом и кайтагским уцмием за отказ выступить против Персии [15, с. 253-254]. Далее Рустем-кадий просил Петра I оказать помощь в восстановлении разрушенной Дауд-беком столицы Хучни, а в случае нужды указать дербентскому управителю «войсками своими воспоможению учинить», со своей стороны кадий давал обязательства «его в нужде не оставить» [Там же, с. 254]. Петр I доброжелательно отнесся к просьбе табасаранского правителя и распорядился оказать ему помощь и поддержку, о чем свидетельствует грамота Петра I от 1 сентября 1722 г. на имя Рустем-кадия [Там же, с. 254-255]. Тогда же табасаранский Рустем-кадий был принят в подданство Российского государства [7, с. 207].

В целом, император остался довольным успешным ходом операции, о чем свидетельствует его донесение в Сенат от 30 августа 1722 г. [16, с. 494-495]. Что касается другой группы дагестанских правителей (Сурхай-хан, Хаджи-Дауд и их сторонник уцмий), которые в манифесте названы «виновниками» российского вторжения в Западный Прикаспий, находящихся в это время в Шемахе, никакого совместного выступления у них против российских войск не состоялось. Убедившись в бесперспективности сражения с российской армией, эти дагестанские владетели остались в стороне, выразив нейтралитет или видимую покорность царю.

Со стороны российских войск также не было предпринято никаких усилий против антироссийски настроенных дагестанских владетелей, хотя в официальных документах подчеркивалось, что одной из целей похода является их наказание. Не произошло ни одного военного столкновения российских войск с отрядами Сурхай-хана и Хаджи-Дауда. Видимо, изменение их внешнеполитических позиций и желание сблизиться с Россией, а также обострение отношений внутри данной группировки дагестанских правителей привели к тому, что Петр отказался от их преследования и наказания.

Далее Петр Великий выступил в южном направлении от города к лагерю на реке Милюкент, откуда намеревался совершить поход в Баку и Гилян для строительства торгового порта со странами Востока в устье р. Куры. Но неожиданные препятствия, связанные с крушением двух продовольственных эскадр из Астрахани, насчитывавших 30 грузовых судов с мукой, и охватившей составляющую 80% войска кавалерию эпизоотией, начавшей косить основную тягловую и военную силу, вынудили отказаться от продолжения похода [11, с. 75-76].

Однако причины прекращения похода заключались не только в указанных факторах. Хотя на специально созванном Военном Совете главным аргументом принимаемого решения выдвигалась необходимость «иттить назад, понеже провианту только на месяц имеем» [14, с. 13], «была и другая причина прекращения похода: Петр ушел с Кавказа, избегая преждевременной войны с Турцией» [12, с. 27].

Опасения Петра I касались не только позиции Турции, но и западноевропейских держав, особенно активизировавших свою антироссийскую политику в условиях успешного начала задуманного Каспийского похода. Неслучайно явившийся по рекомендации западных держав и личному указанию Султана Ахмеда III в русский лагерь на р. Милюкент турецкий посланник Нишли Мехмед-ага прямо заявил Петру I, что дальнейшее продвижение русской армии в сторону Южного Кавказа будет расценено Турцией как причина для новой русско-турецкой войны.

Убедившись в силе русского оружия и еще в том, что Петра I интересует торговый путь к восточным странам, к нему стали обращаться с изъявлением покорности и с просьбами принять их в подданство России владетели Азербайджана. Однако закавказские союзники России, в силу неожиданного для них решения приостановить поход, так и не сумели получить от Петра обещанной военной поддержки.

Однако, приняв такое решение, Петр Великий сумел сохранить российское влияние в Западном Прикаспии. По его указанию вблизи устья реки Аграхань были построены укрепления и провиантские склады, получившие название Аграханский транжемент [17, с. 191]. Специальной грамотой от 1 сентября 1722 г. под защиту российских властей были взяты табасаранские правители Рустем и Махмуд-бек. От уцмия Кайтага и владетеля Бойнака были взяты заложники (*Аманаты – авт.*) как гарант верности императорскому двору. Шамхал Адиль-Гирей был утвержден в звании верховного правителя (*Вали – авт.*) Дагестана с подчинением ему всех местных владетелей и передачей владения Султан-Махмуда Утемышского [15, с. 267-268]. Кроме того, по указанию императора, на Сулаке была основана новая крепость Святой Крест, ставшая в дальнейшем важным административным и торгово-экономическим центром для народов Северного Кавказа и юга России. Назначив командующим всеми оставшимися на Кавказе гарнизонами ген. М. А. Матюшкина, 29 сентября 1722 г. с основными силами император Петр I отплыл в Астрахань [4, с. 400-401]. В результате проведенной им кампании Россия установила контроль над юго-западным побережьем Каспийского моря.

Хотя пребывание Петра I в Дагестане оказалось по времени непродолжительным, но по значимости оно было довольно существенным, как с точки зрения внутривнутриполитического положения, так и внешнеполитической обстановки региона. Каспийский поход Петра I сыграл важную роль в плане усиления внешнеполитической ориентации дагестанских владетелей на Россию. С точки зрения отношений России с дагестанской политической элитой данный поход являлся началом нового этапа в их взаимоотношениях, характеризующегося победой пророссийской ориентации дагестанской элиты [10, с. 136]. Петр I собирался более активно защищать и оборонять своих дагестанских союзников от наступления персидских и турецких войск. Геополитические последствия похода как для России, так и для Дагестана очевидны и бесспорны: он обеспечил безопасность южных границ России, содействовал оживлению национально-освободительного движения народов Северо-Восточного Кавказа, прочно оградил Дагестан от агрессии османов.

Список литературы

1. Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. 234 с.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 77. Сношения России с Персией. Оп. 77/1. 1721.
3. Ашрафян К. З. Падение державы Сефевидов // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М., 1951. С. 200-214.
4. Бассевич Г.-Ф. фон. Записки, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого // Юность державы. М., 2000. С. 325-436.
5. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. 548 с.
6. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 3. 620 с.
7. Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и р. Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. 195 с.
8. Гаджиев С. А. Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. Махачкала, 1964. 230 с.
9. Кидирниязов Д. С. Дагестан в системе международных отношений (XVIII – конец 20-х гг. XIX в.). М., 2011. 456 с.
10. Магарамов Ш. А. Сотрудничество дагестанской правящей элиты с Россией в XVI-XVIII вв. // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 133-137.
11. Магомедов Р. М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999. Т. 2. 520 с.
12. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения XVIII в. М.: Наука, 1966. 323 с.
13. Походный журнал Петра Великого. СПб., 1855. 158 с.
14. Походный журнал 1722 г. Август. СПб., 1913. 56 с.
15. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой половине XVIII в.: документы и материалы. Махачкала, 1958. 336 с.
16. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11. 560 с.
17. Юхт А. И. Торговые связи России со странами Востока в 20-х годах XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 177-192.

INFLUENCE OF PETER THE GREAT'S CASPIAN CAMPAIGN ON THE PRO-RUSSIAN ORIENTATION OF DAGESTAN POLITICAL ELITE

Orudzhev Fakhreddin Nabievich

*Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
aytberov@list.ru*

The article examines the influence of Peter the Great's Caspian campaign on the pro-Russian foreign-policy orientation of Dagestan rulers. Special attention is paid to Peter's government policy aimed to win over Dagestan political elite, who gave the Russian side advantage in struggle for the domination in Caucasus region with its eastern rivals – Persia and Turkey. The author mentions the advantages of the Russian citizenship for Dagestan rulers.

Key words and phrases: Peter the Great; Caspian campaign; Dagestan political elite; pro-Russian position; citizenship.

УДК 130.2:81'22

Философские науки

В статье на основе теории символа Ю. М. Лотмана предпринята попытка раскрыть значение и смысл Тенгри как символа единства мира, который является одновременно и универсальным (общечеловеческим), и национально-локальным (этническим) элементом культуры. Автором обосновывается положение о том, что Тенгри (Тенир) как символ единства космоса, природы, бога, первопредка, которые сливаются в одном образе – «Вселенная», выступает одним из универсальных механизмов коллективной памяти древнетюркской культуры, в том числе кыргызов.

Ключевые слова и фразы: символ; коллективная память; Тенгри (Тенир); символ единства мира; Вселенная; Космос; природа; бог; первопредок; триединая природа символа; традиционная культура кыргызов; древнетюркское общество.

Осмонова Нургул Исраиловна, к. филос. н., доцент

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина
osmonova_ni@mail.ru*

СИМВОЛ КАК МЕХАНИЗМ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗОВ (НА ПРИМЕРЕ ТЕНГРИ КАК СИМВОЛА ЕДИНСТВА МИРА)[©]

Традиционная (архаическая) культура насковзь символична и представляет собой непрерывно воспроизводящую систему символов, а символ архаичен, универсален и выступает важнейшим механизмом передачи содержания коллективной памяти в традиционной культуре. Проблема символа как механизма коллективной памяти в культуре в последние два десятилетия находится в центре внимания философских, культурологических, структурно-семиотических исследований. В этой связи в контексте нашего исследования наибольший интерес представляет известная статья «Символ в системе культуры» Ю. М. Лотмана, в которой впервые дается глубокий семиотический анализ символа как текста культуры и механизма коллективной памяти. Подчеркивая объективность символа – с одной стороны, и неоднозначность символа, с другой, Ю. М. Лотман отмечает: «Даже если мы не знаем, что такое символ, каждая система знает, что такое “ее символ”, и нуждается в нем для работы ее семиотической структуры» [13, с. 240]. Далее он определяет, что «символ и в плане выражения и в плане содержания всегда представляет собой некоторый текст, то есть обладает некоторым единым замкнутым в себе значением и отчетливо выраженной границей, позволяющей ясно выделить его из окружающего семиотического контекста» [Там же, с. 240-241]. В этой связи он выделяет некоторые способности символа, которые позволяют ему «быть символом»:

1) «Способность сохранять в свернутом виде исключительно обширные и значительные тексты» [Там же, с. 241]. Эта способность символа, по мнению Лотмана, связана с тем, что природа его глубоко архаична и восходит к дописьменной эпохе, когда необходимо было хранить в устной памяти коллектива обширные тексты и передавать их из поколения в поколение. В этом смысле символ выступает своеобразным семиотическим конденсатором или механизмом коллективной памяти. Поэтому с точки зрения семиотики сущность культуры (прежде всего традиционной и бесписьменной) как коллективной памяти, надындивидуального механизма хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых особенно наглядно проявляется на примере архаических «текстов», таких как символ, миф, ритуал и фольклор;

2) «Символ никогда не принадлежит какому-либо одному синхронному срезу культуры – он всегда пронзает этот срез по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [Там же]. В этой способности символа заключена его